

Аркадий МАРГУЛИС
Бат Ям, Израиль

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ЛЕДЕНЦОВА

Вспоминая хронологическую взаимосвязанность этих событий, я всякий раз дивился не только неприхотливому перевоплощению одного в другое или сосуществованию, но и логической предопределённости комбинаций – неисповедимым путям Прозорливого Сценариста.

Над Киевским речным портом, подбоченившись в обе стороны набережной Днепра, сошлись врукопашную ветры, и дурман весны, истребив запахи гнили и плесени, ударил в ноздри. С треском раскололся лёд, освежив маслянисто-желейное тело реки, льдины обули берега в арктические торосы. Пробудившиеся от зимней дремы коты взбудоражили округу

наглыми воплями и совершили внебрачные набег. Тотчас понесли вздор птицы. На Большой Васильковской улице каштаны приготовились выпустить из почек несметную рать листвы. К остановкам общественного транспорта устремились аграрно-вооружённые дачники. И тогда солнце воодушевило женщин оголить участки кожи, а из таёжных лабиринтов железнодорожного вокзала выбрался на свет изобретатель Лёня Леденцов и провозгласил:

– У меня за пазухой вечный двигатель. Заработаем собственный миллион. Доллары – пустяк, но не лишний.

Моя душа испытала умопомрачительный взлёт.

— Поздравляю, и всё же, — осмелился возразить я, — по науке вечный двигатель невозможен.

— К чертям популярные догмы. Теория кишит ошибками, практика их исправляет. Ни шагу назад! Моя установка — зверь!

— Шутишь? — молитвенно сдался я.

— Не сомневайся, пашет без перекуров, — сжал губы Лёня. Мой друг Лёня Леденец.

Бродяга в сутолоке жизни, я более не посмел чернить впечатление. Хотя в точности знал, что вечного двигателя изобрести нельзя. Мне спасительно легче было поверить в абсурд, чем жить в безнадежье.

Став компаньонами, мы решили действовать наверняка и, живо обсудив важные мелочи, направились в патентное бюро. Народу там собралось уйма. Как днём на Крещатике. Хозяин кабинетика, патентовед Черпачок, вылитый дождевой червь, пристально осмотрел нас. Его лицо ребячливо розовело в пурпурных отсветах пола, а докучливый взгляд предупреждал о конфузах на пути к удаче. Но мы были добросовестно чисты, и это прибавляло нам весу. Наконец он принципиально сжал челюсти, гася жирную зевоту, намекая, что настало время рассказать о цели нашего визита.

— Мы изобрели перпетуум-мобиле, — солидно начал Леденец.

— Сконструировали вечный двигатель, — продолжил я, шепетильно растопырив пальцы.

— Опять! Перпетуум-мобиле! Снова этот вечный вечный двигатель?! Двадцать четвёртый на неделе! — возмутился червь, жонглируя в створе глаз догадкой. — Изложите суть идеи.

Патентовед Черпачок уже сопоставлял корни с глубиной нашей уверенности. Он был матёрый индивидуалист, и любимое изречение «Служба службой, а черпачок — врозь» составляло главный принцип его бюрократического мировоззрения — «Должен быть человек сам себе на уме».

— Термодинамика термодинамикой, — безапелляционно прервал я ход его умозаключений, бравируя тотальной осведомлённостью, — но если ветер крутит мельницу, а морские приливы турбину, если солнечная энергия превращается в электрическую и раз уж любая сила способна

совершать работу, то и сила гравитации — не исключение.

Опытный патентовед Черпачок, клянуv на приманку, затравленно молчал. Усиливая нажим, я как бы сам себе, а в действительности ему сказал:

— Это же элементарно. Никто не осмелится возразить.

Интеллектуальные внутренности дождевого червя свела судорога, и, чтобы развить успех, я скромно похвастал:

— Есть стендовая установка.

— И что? Работает? — вконец теряя равновесие, подался вперёд червь.

— Крутится. Как зверь, — лаконично пригвоздил его я.

Глаза Черпачка едва не выпали из глазниц.

— Сколько? — выговорил он, словно проглотив пузырь и ощутив невесомость.

— В ближайшем будущем — как угодно долго, а пока минут сорок, — ударил я экспромтом.

Магия воображения оросила сердце Черпачка сочными перспективами, и он почувствовал к вечным двигателям отеческий зуд. И уже выглядел не дождевым червём, а ненасытным удавом.

— Прикиньте, — плотоядно вился удав, тиская нам руки, — даже если она крутится всего две минуты — это триумф! Фантастика! Переворот! Давайте обозначим частности. У нас есть оптимальный вариант — объединить усилия! Гарантирую успех. По рукам? Но сначала покажите чертежи, а ещё лучше — установку.

Он в запальчивости впустил ладонью кудреватость волос. Возможно, ему опротивели кризис в экономике и скудость финансов.

Разглагольствуя на обратном пути, мы пришли к выводу, что Черпачку надо бы предъявить заводской — не замороженный образец установки. А на это нужны средства. Я посмотрел вопрошающе, но Леденец был угрюм, как церемониймейстер. Его вид свидетельствовал о катастрофическом безденежье. Две недели назад Лёня Леденцов сказочно разбогател. Однажды мягким утром в моей квартире на Большой Васильковской улице, плавно воплощающейся в Крещатик, модно заблеял телефонный аппарат.

— Привет, — уловил я в трубке специфические интонации Леденца, — нужно срочно сбыть гривны за валюту. Как ты?

– А много? – поинтересовался я.
 – Немерено, – обходительно ответил он.
 – Ладно, приезжай, – сказал я, – что-нибудь сообразим.

В валютном киоске Бессарабского рынка белокурая барышня меняла отечественные денежные знаки на американские и наоборот, и я тотчас ей позвонил. Она меня воодушевила – у неё как раз набрались доллары, и она обещала придержать. Леденец вошёл, окроплённый бисером купели. И показал бездонный пакет – пластикат распирала пачки в банковской упаковке.

– Откуда деньги-то? – поперхнулся я. – Получил наследство от тётки из Евпатории?

Тётка Леденцова из Евпатории была очень свободолюбивая женщина, но даже выручка от приусадебного огорода не могла сложиться в такое богатство. Леденцов ответил уклончиво:

– Тётка переживёт нас обоих. Просто на пару с партнёром сбываем цистерны.

Я поинтересовался:

– Какие цистерны?

– Пустые, – сказал Лёня, – железнодорожные. Улетают без проблем.

Это была загадка. Летучей мышью носилась в коммерческой среде фраза «Гонять воздух в цистернах». Или «в вагонах». Это означало продавать мнимый товар. Или передавать ложную информацию. Короче, гонять воздух. Я не стал уточнять и посоветовал:

– Зачем же менять? Пусти в дело.

– Нет, пусть будут про запас, – стоял на своём Лёня, и мы направились к Бессарабскому рынку.

Блондинка в киоске Бессарабского рынка беспомощно развела в стороны руки. И призналась, что минуту назад отдала кучу долларов оптовому клиенту. Сто долларов – всё, чем она располагала, вызвали саркастическую улыбку Леденца, ведь содержимое его пакета намного превышало какую-то жалкую американскую сотню. Но делать было нечего, и Леденец сунул добытую ассигнацию в свой рабочий блокнот. Именно в этот момент перед нами возникла респектабельно упитанная девушка и соблазнительно прикусила губу.

– Облом? – с пониманием спросила она, а сквозь бирюзовую прозрачность платья участливо обозначились особенности её тела.

– Ничего не поделаешь, – ответил я.

– Могу помочь. На той стороне мальчишка, – пикантно указала она подбородком, – располагают валютой. Курс чуть выше, чем в киоске, но сейчас доллары – дефицит. Может, подозвать?

На противоположной стороне улицы элегантные юноши обсуждали спортивные вести. Мы с Лёней переглянулись.

– Сотенную они осияют? – поосторожничал Лёня.

– Даже не сомневайтесь. Могут и больше. Так я пошла? – ответила она и пересекла улицу перед случайным «Мерседесом», интимно припавшим на все колёса. Она перевела юношей через улицу, как слепых туристов, и слилась с толпой прохожих. Её парни были интеллигентны, разборчивы и осторожны. Поэтому для конфиденциальности мы резко изменили маршрут и зашли в подворотню. Из-под крышки канализационного люка парило. Пар влажно облизывал потолок, и конденсат, испачкавшись копотью, неожиданно капал за шиворот. О бульжную мостовую, как в припадке, бились колёса проезжающих автомобилей.

– Можете не проверять, вывеска свежая, – передал мне банкноту один из них.

Бумага достоинством в сто «баксов» издала плотный, как отрыжка, запах типографской краски.

– Чудеса, – сказал я, рассмотрев банкноту, – только что в киоске мы взяли сотню этой же серии, и номера рядом.

– А что такого? – с деловитым недовольством сказал второй, – мы тоже на Бессарабке клиенты. Время идёт, господа, деньги на бочку.

Третий из предосторожности выглядывал на улицу: неучтённые валютные операции могли вызвать недовольство властей. Лёня вытащил из пакета несколько пачек, сбил их в стопку и передал второму, немедленно принявшемуся за подсчёт.

– Верно, как в аптеке, упаковка банковская, – сказал Лёня.

– Мелочь тоже «бабки», – ответил второй, привычно поплёвывая на пальцы.

Он считал филигранно. Банкноты в его пальцах превратились в веер. Губы вышлёпывали стандартные аплодисменты. Недосчитанная часть денег таяла на глазах. Наконец он распус-

тил ленту последней пачки. Мы были спокойны, потому что верили в непогрешимость банковских гарантий. Но на наши головы обрушилось наказание. Толпа выплеснула в подворотню двух закованных в кожаные куртки мужчин.

— Милиция! — напористо закричали они. — Отдел борьбы с валютной спекуляцией!

От их крика содрогнулись стены. Юношей разметало. Первый, уничтожая следы сделки, выхватил из моей руки сотенную купюру и прыснул во двор — догонять его не имело смысла. Второго смыло равнодушное течение толпы. Третьего как корова языком слизала.

— Чьи всё-таки «баксы»? — вежливо спросил милиционер.

— Их, — честно признался белый как мука Леденец.

— Их, — правдиво подтвердил я.

— Вот что, господа потерпевшие, здесь давно орудуют «кидалы», — поучительно сообщил милиционер, — а что они говорили? Может, имена называли, ещё что-нибудь?

— Нет. Ничего, — ответили мы.

— Тогда дело дрянь. Ничем не поможем. Можно, конечно, понаблюдать недельку-другую. Телефончик свой оставьте. Сообщим, если что.

— Не получится, мы проездом, — предусмотрительно солгал Леденец, прикуривая от милицейской зажигалки.

Милиционеры сожалеюще посмотрели и отправились по делам. А мы вышли на Крещатик и, уклоняясь от столкновений с прохожими, двинулись между гастрономов и универмагов к старинному Подолу, меняя во встретившихся киосках гривны на доллары. И, наконец, остановились у входа в банк «Олимп», передового рубежа финансового фронта. Курс доллара к гривне висел здесь на угрожающе низкой отметке. На гору к зданию Совета Министров, сквернословя, взбирался фуникулёр. О причал сварливо чесали корму теплоходы.

— Хорошо, что пакет не тронули, — сказал всё ещё бледный Леденец.

— Как они не заметили? — согласился я.

Было бесполезно обмениваться воспоминаниями. Нас обоих мучила уверенность в том, что милиционеры с «кидалами» и бирюзовой девой — одна шайка. Мы удручённо расстались, лишь к вечеру Лёне ценой зверских усилий уда-

лось скупить доллары на всю сумму. Деньги на заводской образец вечного двигателя нужны были без промедления позарез. И на правах суверенного компаньона я серьёзно напомнил:

— Ты отложил «зелёные» про запас. Где же «бабки»? — спросил я.

— А! — махнул рукой Леденец, — снёс в детский дом ребятишкам. — И, выпятив нижнюю губу, добавил: — Я прикидываю, денег требуется не меньше чем сотен пять, а то и шесть «баксов». Оно бы неплохо. А то с голодухи аж в животе заурчало. Думаю, под дело Леопольд раскошелится.

С председателем гигантского строительного кооператива «Пат Хольман Аргупадос» Леопольдом Харитоновичем Клеопатровым мы корректно дружили. Два года назад Леденец изловчился пригнать Клеопатрову раздобытый под Бухарой вагон дефицитного цемента. С тех пор Леопольд Харитонович родственно улыбался нам.

— Зачем столько затрат? — спросил я.

— Издержки производства, — пояснил Леденец, загибая пальцы, — представительские расходы — раз, материалы — два, в-третьих, опять же, зарплата рабочим с премиальными.

Офис кооператива «Пат Хольман Аргупадос» располагался за Бессарабским рынком. Мы просочились в эллипсоид двора, в ближайшее парадное справа и, поднявшись на третий этаж, вошли в открытую настежь дверь. Секретарша платонически улыбнулась и жестом молодой вдовы пригласила в кабинет. Там, в табачном дыму, пунктирно маячил Леопольд Харитонович и, едва увидев нас, гостеприимно привстал. Он не мог оторваться — у него сидели важные посетители. Когда они ушли, мы заняли их места. И хотя зубы Леопольда Харитоновича давно тронул никотиновый загар, он целомудренно закурил очередную сигарету, поощрительно улыбаясь нам.

— Кровь из носу нужны «бабки», — объявил Клеопатрову Леденец.

Леопольд Харитонович улыбнулся шире.

— Слепили вечный двигатель, а денег на образец нет, — добавил Леденец, но я применил фразеологический трюк, опробованный на патентоведе Черпачке:

— Логика такая: любая сила совершает рабо-

ту. Почему же сила тяжести должна быть исключением?

И сам же ответил:

— Не должна. Или кто-то хочет возразить?

Клеопатров не возражал.

— Дело верное, — сказал Леденец, — мы заручились поддержкой патентного бюро...

— Патентовед Черпачок, может, знаете, — вставил я.

— Стендовая установка пашет как зверь... — добавил Леденец, но тут Клеопатров приподнял над столом руки. Мы замерли, как перед оглашением приговора.

— Господа, — сказал Леопольд Харитонович, — я не пророк. Верю, что не ошибаетесь. Под дело у меня есть немного свободных денег. Долларов пятьсот. Я так полагаю — оно ведь не быстро. Поймите меня правильно. Без напоминаний — на два года. А после — с процентами. Если устраивает — берите. С расписочкой для порядка.

Леденец облегчённо порывлся в своём блокноте и извлёк листик — сохранившуюся квитанцию о покупке ста долларов в киоске Бесарабского рынка.

— На квитанции примете? — спросил Клеопатрова шутки ради Леденец. — Выйдет пророческий знак: каждые сто долларов превращаются в пятьсот.

— Подходит. Ловлю на слове, меня как раз устраивают такие проценты, — проникновенно ответил Леопольд Харитонович.

Мы искоса переглянулись. Леденец, озабоченно вздохнув, сказал:

— Нет проблем. Вернём досрочно.

И на оборотной стороне квитанции написал расписку в получении пятисот долларов под проценты. Мы радушно попрощались с Клеопатровым и ушли. В кармане Леденца призывно шуршал зародыш будущего миллиона — пятьсот долларов.

— Есть резон отметить почин, — сказал Леденец, останавливаясь у валютного киоска, — тем более что жрать давно хочется.

— Лёня, — возмутился я, — мы одолжили деньги на дело.

— Без сомнения. В том числе на представительские расходы, не так ли? — ответил Леденец и вытащил из кармана пахнущие краской дол-

лары, — сейчас удобный курс, ничего не потеряем. Будь патриотом, обрати вражескую валюту в бегство от отечественных «бабок».

Из рук Леденца я взял банкноту и чуть не задохнулся — эту серию я знал наизусть. Шутка ли, три стодолларовые банкноты: и приобретённая у блондинки в киоске, и та, которую дали подержать в подворотне «кидалы», и наконец эта, полученная пять минут назад у Клеопатрова, все они принадлежали одной и той же серии.

— Сногшибательно, — сказал я Леденцу, — одни и те же цифры!

— Оставь, — ответил Леденец, — лучше двинем куда-нибудь, например в «Клондайк», не то подавлюсь слюной.

Ничего другого не оставалось. Всё-таки владельцем вечного двигателя был Леденцов. Я полюбезничал с блондинкой, забрал ворох ассигнаций в обмен на американскую сотню, и мы ушли. Над ближайшими подступами к ресторану «Клондайк», устланными помпезно-зелёным ворсом, притаилась телекамера, и мы легально миновали инкрустированные медью двери.

— Нравится? — спросил меня Леденец под сводом, повторяющим контуры опрокинутой тарелки. В окне пейзажно виднелся вход в центральную синагогу. Официант благоговейно дышал за моей спиной, пока Леденец изучал меня. Снаружи неясно серело — то ли рассвет, то ли закат. Затем разом вспыхнули фонари, как фосфоресцирующие насекомые, подвешенные на невидимых нитях.

— Короче... салат из капусты, шницель, водки полкило на двоих, — заторопился Леденец и передал меню мне. Он спешил к поезду в родной город Гомель, чтобы в цехах инструментального завода изготовить залог нашего безбедного существования — вечный двигатель Леденцова. Но я нелюдимо молчал.

— Могу разделить порцию на две, — услужливо, но бестактно сказал официант.

Я возразил, и Леденец из принципа заказал для меня бокал кокосового молока. Расправившись с салатом, он поедал шницель с картофельно-грибным гарниром и запивал водкой, а я безучастно прихлёбывал напиток.

— Наш берёзовый сок вкуснее, — сказал я.

— Точно. Официант хам, дикарь и каналья! — пролепетал Леденец заплетающимся языком, выпрастывая на блюдечко деньги по счёту, — это не водка, а паршивенький дистиллят.

Мы спешили, пришлось взять такси, подразумевалось, что затраты пополнят копилку представительских расходов.

— Скоро вернусь. Береги Черпачка как зеницу ока, — напутствовал Леденец, ныряя в пасть железнодорожного вокзала.

Через два месяца, когда каштаны разнузданно подняли над листвой бесчисленные свечи цветения, в дверь моей квартиры на Большой Васильковской улице кто-то позвонил. У порога стоял Лёня Леденцов и держал осторожно, как младенца в руках, своё упакованное в целлофан детище, нечто среднее между мясорубкой и стиреотрубой. Но выглядел он худо.

— Первым делом, если можешь, купи мне сигарет. Курить смерть хочется, — бессильно улыбаясь, попросил он.

Под кастрюлькой с остатками супа я зажёл газ, вышел в магазин и принёс пачку его любимых «термоядерных» сигарет «Ватра», без фильтра. Мы вышли в парадное, после того как Леденец вычистил до дна тарелку супа. Он жадно распечатал пачку и с облегчением затянулся дымом. Я тоже закурил, хотя не терпел этих сигарет. Они заставляли плевать — на зубах от них оставались несносно горькие волокна табака.

— Крутится? — спросил я, покосившись на скрежет дверного замка в соседской квартире.

— Увидишь, когда запустим, — выдул Леденец вверх плотную струю дыма, сплюнул на огонёк сигареты, швырнул окурочку куда-то в лестничный проём и добавил, — а завтра оттащим Черпачку.

Мы установили вечный двигатель на тумбочку, как прижизненный памятник на пьедестал. Леденец выполнял последние приготовления, а я рассматривал аппарат с предвкушением исторической победы, когда прирученная сила гравитации растолкает все эти шестерни, рычаги и колёса. Лёня Леденцов смахнул пылинки с зубчатого сегмента и повернул ручку. И сразу же книзу зазмеился трос, наклоня планку, по ней в лобовой разгон побежала тележка и вышибла рычаг из-под другой планки. Следом вторая тележка

понеслась вниз, приподнимая первую планку, и одновременно закрутилось наибольшее колесо, рядом с которым тележки выглядели, как слепые котятка. Я не поверил своим глазам — цикл повторился! И снова! Потом ещё раз! И ещё раз!

— Пошла! — завопил Леденец.

Я восторженно выдавал коленца. Вечный двигатель отбивал чечётку. Задумчиво, как товарный состав под ливнем. В комнате упоительно запахло озоном. И мелодично задрожали стены, будто поезд метро, промчавшийся в тоннеле под домом, вытеснил зов органа из католического костёла, указательным перстом поднятого к небу. Порыв ветра пришвартовал форточку к ветвям тополя. Потом всё смолкло. Первым спохватился Леденец.

— Кажется, сдох, — прошептал он, крадучись к пьедесталу.

— Как? — отважился вымолвить я, всё ещё двигаясь.

Леденец порывлся в установку и удручённо вздохнул.

— Придётся утяжелить грузы, — сказал он.

Мало-помалу стряхнув отголоски ночных сновидений, мы отправились раздобыть свинца. На улице Горького строилось здание с продвинутой в будущее планировкой. Уже завершались отделочные работы: дом покрылся глазурованной плиткой и напоминал гигантскую рыбину, специально вынутую из океана, чтобы сверкать на солнце. Из остатков строительного мусора на пустующей площадке Леденец вытащил кусок кабеля, вырезал свинцовую оплётку, а по пути подобрал пару порожних жестяных банок с этикеткой «Пепси-кола».

— Подходит, — сказал Леденец, — лучше не придумаешь.

Небольшой хлебный магазин напротив стройки переделали в фешенебельный супермаркет, и теперь запах свежайшей выпечки не раздражал аппетит жителей улицы Горького. Рабочие в оранжевых касках дожёвывали домашнюю заготовку. По ту сторону забора завистливо слонялись лица без определённого места жительства — бомжи. Они испытывали тошнотворные приливы голода и похмельную маету от одеколону, добытого в обмен на макулатуру. После полудня мы взялись за рекон-

струкцию. Леденец пошевелил в руке кусок свинца и взвешенно заявил:

— Всё-таки маловато тянет.

— Какая беда? — ответил я. — Добавим.

— А взвешивать чем, — критически заметил Леденец, — грузы нужно уравновесить точно, у тебя есть лабораторные весы?

— Нет. Но у меня есть мысль, — заявил я, вползая на антресоли.

Там с советских времён пылился увесистый мешочек с двухкопеечными монетами. При необходимости им можно было нанести противнику увечье. Горловину мешочка стягивала проволока с банковской пломбой, подтверждающей, что количество «двушек» составляет сумму в пятьдесят рублей. Как-то в кассе не хватало ассигнаций на заработную плату, и мне предложили взять эти пятьдесят рублей мешочком. Леденец оторопел.

— Надо же, я пешком от вокзала топал, «двушки» позвонить не осталось, а тут их прорва. Но идея и впрямь хороша, — похвалил он. — Ну, ты голова. Эйнштейн.

— Эйн што? — безрадостно пошутил я.

— Гроссмейстер, — обобщил Леденец.

Государственный Монетный двор взвешивал монеты с высочайшей степенью точности. И если уж мешочек вмещал монеты одинакового достоинства, то они и весом не отличались. Хоть справляйся в Палате мер и весов. Мы заполнили жестяные банки из-под пепси-колы равным числом монет почти доверху и утрясли.

— Теперь, чтобы монеты не болтались, — изложил Леденец суть дальнейших действий, — зальём в банки свинец.

Разделив оплётку на две одинаковой длины доли, настругив их поочерёдно в вымытую сковороду, расплавили на газовой плите и залили в банки. И, пока грузы остывали, несколько раз, нервничая, бегали в парадное покурить. Я смирился и не замечал вкуса сигарет. Леденец в конце концов не вытерпел и, обжигая пальцы, потащил грузы к установке, водворил их на место и повернул сегмент. Тележки, покотившись, стронули большое колесо. Оно прошло два оборота с четвертью и остановилось. Леденец вздохнул и поёжился.

— Свидание с Черпачком откладывается, — сказал он, — тележки скользят, а должны ехать.

Возвращаюсь в Гомель. Пускай инженер пересчитает шероховатость. Короче, опять дел уйма, опять нужны «бабки». Можешь поучаствовать?

— Ума не приложу, где взять, — ответил я, ощущая неловкость.

— Остаётся одно — одолжиться у именитого компаньона, народного депутата Казимира Торбы. А что? На продаже железнодорожных цистерн я наварил Казика миллион долларов. Пусть слегка раскошелится.

Следующим утром, снабдив Леденца карманными деньгами, я вышел проводить его до метро. Лифт приземлился во временной срез зарождающегося дня. Там и тут шаркали дворнички метлы, выковыривая из асфальта пыль и сгоняя вместе с остатками ночи в чашу Немецкого сада. В мусорном баке, принадлежавшем «Обществу украинско-канадской дружбы», сверху донизу шла напряжённая проверка. В утробу бака через борт, накрытый свежим номером газеты «Формат-экслюзив», свесили туловища ревизоры — два пенсионера, ещё не примирившиеся со старческой неряшливостью. Они так увлеклись сортировкой деликатесов, что прозевали наше приближение. Но потом переглянулись и снова деловито погрузились в бак. Таблички «Закрыто» на дверях магазинов бойкотировали нарастающий темп, а в подземном переходе неотразимо набирала штрейкбрехерские витки торговля товарами первой надобности. Мы вяло перемещались в очереди за обжигающим внутренности кофе, гордостью малого предприятия «Гондурас ЛТД».

— Быстрее в Гомель. В Гомель, как только появятся «бабки», — упрямо сказал Леденец и, дохлебав напиток до чёрной жижи, швырнул стаканчик на стол наперекор сквозняку и вонзился в метро. Он позвонил через три дня, потрясённый отчуждённостью народного депутата Казимира Торбы. Секретарь бывшего компаньона отклонил встречу. И Леденец клятвенно произнёс:

— Если этот сурок когда-нибудь подастся в президенты — сделаю всё, чтобы он схлопотал фигу.

И, неожиданно ожесточась, закончил задиристо:

— Между прочим, тётя Глаша из Евпатории прислала племяннику деньги. Еду в Гомель, а ты навести Черпачка...

Нескладное ожидание, пародия на вечность, длилось месяц. Я повидался с патентоведом Черпачком и, объясняя заминку, различил в его глазах сгусток укора. Через несколько дней снова позвонил Леденец. Голос его хрипел скорее из-за технических недостатков телефонной связи.

— Как ты умудрился проморгать Черпачка? — спросил Леденец, даже не поздоровавшись.

— Вот ещё, с какой стати? — сказал я, недоумевая.

— Ещё спрашиваешь. Вчера с инженером готовились к испытаниям установки и приговорили пол-литра, — сказал Леденец, — потом я на радостях завернул к бывшей супруге. Представляешь? Она, стерва, с ментами снюхалась и меня — в ментовку. Так знаешь, кто у них там заправляет?

— Понятия не имею, — согласился узнать я.

— Ну, не упали со стула, — примирительным тоном сказал Леденец, — наш червячок Черпачок! И при майорских погонах. Ну как?

— Не может быть, — возмутился я, — чего ему в Гомеле делать, если он и в Киеве на государственном пайке.

— То-то и оно, — пояснил Леденец, — я тебе говорю, вдумайся, кто он в Киевском патентном бюро был? Нищий чиновник. Естественно, с голодухи подался в Гомель — шпионить за мной. А там на доходную должность пробрался. Работа — клад. Позавидовать можно. Взятки ковшом гребёт. Прикрытие классное, и на жизнь хватает. Своих пинкертонов науськал подбраться ко мне через мою бабу. Она на меня порчу навела, отпевать впору.

— Но жив же до сих пор? — усомнился я.

— Это бабе Кармелихе спасибо. Очень известная старуха, спроси кого хочешь в Гомеле. Я к ней в хату, а она с порога: «Принеси водицы из своей криницы». Я ей говорю — не знаю, где, мол, и как. Отвечает: «В квартире из-под крана нацеди, главное — чтобы своими руками в прозрачный стакан». Принёс. Палец в стакан обмакнула и пошептала. Теперь, говорит, тащи домой и наблюдай. А когда что будет — ко мне обратно тащи. На второй день гляжу — в стакане комки волос, аж вода почернела. Я к Кармелихе. Видишь, говорит, твоя жена тебе немочь на смерть сделала. Но ты ко мне вовремя подоспел, теперь не окочуришься.

Я не на шутку встревожился.

— Лёня, — спросил я, — а ты не температуришь?

— Уже выздоровел, но температура всё равно меньше нуля, — ответил Леденец.

— Как? — похолодел я. — Почему?

— Не знаю. Врачи смотрели, может, раз сто: говорят, у меня сердце отсутствует, даже пульс не определяется, — сказал Леденец.

Несмотря на своеобразие нашего диалога, впрочем, показавшегося мне в своё время забытым, я почувствовал, что всё-таки знаю ответ.

— Что же тебя беспокоит? — уже ровнее спросил я.

Он долго ковырялся в себе, и я слышал его дыхание, а потом он таинственно прошептал:

— Цветные пятна. Хлопья на асфальте. Трясу башкой, не могу отделаться от ощущения, что пятен на самом деле нет. Что кажутся. Знаешь, если смотреть на солнце, а потом зажмуриться.

— Так это в порядке вещей, — сказал я, — не обращай внимания, хлопья перемелются — мучка будет. Ты-то с инженером, поди, часто празднуешь?

— Бывает, — ответил Леденец, — а что, он мужик грамотный, мы с ним спелись.

Нежданно грянули сигналы отбоя, и я положил трубку. И вспомнилось, как Леденец нахваливал достоинства алкоголя. Но я не торопился расстаться с надеждой, и спустя несколько дней Леденец позвонил вновь.

— Быстрее хватай что под рукой. Записывай, не перебивай, — торопился Леденец, — четыре, семь, шестнадцать, восемь, тридцать пять. Успел?

— Что это? — спросил я. — Шифр в банковском сейфе?

— Нет. Беги включай телевизор! Через пару минут поправимся на три миллиона рублей, пригодятся, — сказал Леденец, — я угадал выигрышные цифры из российского «Спортлото», карточку заполнил и давно сдал.

— А наш вечный двигатель окончательно сдох? — тоскливо напомнил я.

— Временно. Выиграем в «Спортлото», — сказал Леденец, — часть «бабок» употребим на реанимацию. Черпачка — на свалку! Врубай телевизор. Через пять минут позвоню.

Я стремглав включил телевизор. В момент,

когда экран засветился, барабан отложил в жёлоб первый шар. Шар выкатился, балансируя, пошевелился и замер цифрой наискосок. Я даже наклонил голову, чтобы правильно рассмотреть. Но это и впрямь был шар, названный Леденцом! Галопом зашла музыка. Засуетился барабан. Забубнила струна терпения, готовая лопнуть. И в жёлоб вылутился второй шар. Меня бросило в озноб. И этот шар был угадан. Цифры в барабане заплясали фокстрот. Я не мог поверить — гром с небес не ударил бы неожиданней. Третий шар принадлежал серии Леденца! Я затаил дыхание. Моё сердце пульсировало в унисон с барабаном. Меня распирало от мистики, но вместо взрыва послышалось лёгкое дуновение. Леденец не простил бы меня, но это я вздохнул облегчённо. Один за другим в жёлоб выкатились два шара-чужака. И Леденец позвонил вновь.

— Убедился? Полный ажур, — со смехом сказал он, — заметь, под стакан водки я угадал три цифры подряд. Значит, чтобы угадать всё, надо выпить ровно пол-литра.

Меня перекосило.

— Лёня! — не выдержав, закричал я в телефонную трубку, ведь на моих глазах окончательно уходил в небытие вечный двигатель Леденцова. — Очнись! При чём тут бабушкины галоши! Сойдёшь с рельсов по пьяни!

Сгоряча я выпалил ещё что-то необыкновенно резкое, и Леденец непринуждённо попрощался со мной. Снова потянулись дни ожидания. Ближе к ночи я всё чётче осознавал, что вестей из Гомеля уж не дожждаться — ни плохих, ни хороших. Что дело не только в водке. Но другими возможностями, кроме необходимости ждать, я не располагал. Как-то меня растормошил поздний телефонный звонок и попросили ответить Евпатории.

— Это Глафира Сергеевна из Евпатории, тётя Лёни Леденцова, он мне оставил ваш телефон на всякий случай. Кажется, именно на этот случай. Меня очень беспокоит племянник. Вы ничего не замечали?

— Замечал, — скорбно признался я и рассказал о своих опасениях относительно Лёниных обстоятельстве.

— Перестал звонить, — сокрушалась Глафира Сергеевна, — а то звонил часто, всё требовал, чтобы я дала ему номер телефона депутата Тор-

бы. Я ему говорю: не знаюсь я с депутатами. А он сердится, кричит, дескать, Торба у тебя прячется, раз его «мицубиши» под твоим забором припаркована. Я ему: опомнись, племянник! Под забором у меня тачка об одном колесе валяется. Что я врать стану? А?! Так Лёничка и звонить перестал.

— И мне давно не звонил, — подтвердил я.

Она въедливо зарыдала. Я дал ей выплакаться, осторожно утешая то междометиями, то называя её по имени и отчеству. Но вдруг она с каменным убеждением сказала:

— Ладно. Его не повернёшь.

Она замолчала, и я молчал. В телефонной трубке дурно завывал эфир, пока она не сказала:

— Помру — усадьба останется. У меня, кроме племянника, никого. Объявится Лёничка рано или поздно. А вдруг не доживу?! Что тогда? Уж вы его не оставьте. Чувствую, вы человек божий.

Я обещал присмотреть за Лёней, она почему-то настаивала, и я снова обещал.

Июльские дни завели собственный календарь. С этого времени вечный двигатель Леденцова стал понемногу забываться. В Немецком садике под ветром, дождём и снегом поскрипывала карусель и накрутила без малого два года. Изобретатель Лёня Леденцов исчез — не слышно стало и запаха. Иногда казалось, что Леопольд Харитонович Клеопатров потерял следы Леденца и смирился с пропажей долларов, а однажды приснилось, как он кроит портмоне из рекламного транспаранта. И утром, в час, когда воздух насытился теплом и стали собираться тучи, я бесцельно вышел из дому. Трудно объяснить, чего мне хотелось — надышаться и ощутить себя частицей или обезличиться и раствориться. Душа парила, как жаворонок в поднебесье. Я не чувствовал даже очертаний тревоги — лишь умиротворение зрелого плода на ветви столетнего дерева. Бездумно я повторил наш с Леденцовым маршрут, когда мы вместе шли, меняя гривны на доллары. Я миновал католический костёл, Бессарабский рынок, одну за другой станции метро. Обошёл почти весь Крещатик. Сквозь пустоту, образовавшуюся вместо низвергнутого памятника Ленину, ещё победоноснее бросалась в глаза гостиница «Москва». И чем ближе я подбирался к заметному издалека настилу, пахнущему хвоей и краской, тем толпа

становилась гуще. Агитационные полотна зывали поддержать народного депутата Казимира Торбу в его предвыборных баталиях на президентское место. Репродукторы с кузнечной мощью вдалбливали слова лидера в уши, а он сам и его соратники фланировали по настилу непринуждённо, как в собственной квартире.

— Вот стою перед вами, братья и сёстры мои! Как у алтаря! Пробил мой час! — убеждал, ласково оглядывая толпу, депутат Казимир Торба, — вздохните свободно, господа соотечественники! Я избавлю вас от вашего бремени! Крест мой святой! Другие пообещают — не верьте! Обманут! Предадут! Они самозванцы! А мне верьте! Потому что я один из вас, друзья мои! Плоть от плоти! Таков я есть! Таким останусь!

И он самоотрёченно умолк, прислушиваясь к стремнине страстей. Что-то неувлимо давнее причудилось мне. Я посмотрел по сторонам, обернулся назад и тут же узнал двух пенсионеров, промышлявших на задворках общества украинско-канадской дружбы. Видно, их запросы до сих пор не вписались в размеры пенсии, а уровень инфляции не оставлял надежд.

— Ну? Ни дна тебе, ни покрывки! Наворвался, а теперь Христа Спасителя из себя корчит! — вскипел один из старцев.

Второй солидарно побагровел и закричал, напрягаясь, совестя и призывая народного депутата Торбу убраться восвояси:

— Ганьба! Гэть!

В том смысле, по-русски говоря, что «Срам! Прочь!». Гарпуном взвился его крик над головами. И был бы услышан. И поразил бы цель. Но полтора десятка жертвенных глоток, обошедшихся претенденту в червонец за каждую, гаркнули: «С президентом Торбой сытость станет нормой!» Народного депутата Казимира Торбу я видел впервые. Но его сподвижников несомненно знал. Я изумлённо рассматривал свиту претендента, расположившуюся в три этажа. На трибуне локоть к локтю с депутатом Торбой стояли председатель строительного кооператива Клеопатров и патентовед Черпачок. Сияли парфюмерией обе принцессы Бессарабки — продавщица валютного киоска и бирюзовая дева. Ступенькой ниже благоговейно созерцали шефа интеллигентные «кидалы» — они напоминали атлантов, удерживающих небеса.

Внизу подножие трибуны караулили милиционеры, но теперь не в кожаных куртках, а в парадных мундирах с кристаллами пота под мышками и на спине. К площади подступали вестники дождливого лета: сначала озарила и несимметрично распалась на зигзаги молния, а следом, как порожний короб на ухабах, простучал гром. Между обступивших площадь зданий прорвался ветер. Первые капли дождя смочили головы. Разразилась канонада защёлков, и опухольями вздулись зонты. И тут в мои глаза впился взгляд Клеопатрова. Вряд ли Леопольд Харитонович мог обнаружить меня в мозаике многолюдья. Но мне представилось, что узнал. И, узнав, постучал ногтем по циферблату часов, как бы в присутствии народа напоминая о незыблемости срока. В ответ я кивнул и стал беззаботно пробираться к главному почтамту. Навстречу мне косо хлобыстнул дождь, и толпа ринулась в подземный переход, тесня к стенам художников, писавших портреты с натуры, под гармоничный экспромт, испечённый из классики скрипкой бывшего солиста филармонии. Народный депутат Казимир Торба продолжал управлять штабом, но бессильный перед ниспосланной стихией приказал людям спрятаться под крыши автомобилей. Я твёрдо решил поправить дело. Ведь Леопольд Харитонович Клеопатров умел пошутить всерьёз. Снова требовались деньги, но разжиться враз пятью сотнями «баксов» было негде. И я позвонил Глафире Сергеевне, тётке Леденцова из Евпатории. Я правдиво рассказал ей о надвигающейся угрозе. И объявил, что ради благополучия Лёни готов собственноручно вернуть Клеопатрову долг. Она, не раздумывая, согласилась прислать денег, и через неделю, несмотря на непогоду, я отправился в офис кооператива «Пат Хольман Аргупадос». По стечению обстоятельств пресса назойливо комментировала обмен финансовыми делегациями с зарубежьем.

В приёмной Клеопатрова в кресле секретарши расслабилась с чашечкой кофе бирюзовая дева. Она была очень задумчива или не узнала меня. И я беспрепятственно прошёл в кабинет. Леопольд Харитонович раскладывал на столе пасьянс из колец дыма, бесперебойно

сверкая навстречу мне недавно имплантированными зубами.

— Какими ветрами занесло? — спросил он, смекнув о цели моего визита.

— Мне выпала честь возратить долг, — ответил я.

— Стоит ли торопиться, если не вышел срок? — удивился Клеопатров.

— Мы решили расплатиться именно сегодня, — настаивал я, выкладывая «баксы» на стол.

— Как хотите, а мне не к спеху, — сказал Леопольд Харитонович с жестом, конвертируемым в движение получить деньги.

— Нет проблем, — сказал я, совершая встречное перемещение, — но хорошо бы обратно получить расписку.

— А что же Лёничка не появился? — спросил Леопольд Харитонович, вынимая из брючного кармана связку ключей. Он отпер сейф и открыл дверцу.

— Сопровождает шефа в Рейкьявик, — вызывающе и наобум сказал я.

Не знаю, почему я выразился так, но Леопольд Харитонович осмотрительно вздрогнул. Не исключено, что финансовую делегацию в Рейкьявик возглавлял Казимир Торба. Со всеми правилами предосторожности мы обменяли расписку, извлечённую из сейфа, на доллары. За окнами облегчительно ударил гром, задремала в кресле за стеной бирюзовая дева, и я торопливо выбрался наружу. Тучи вывернулись наизнанку, истерично застучали оземь серые струи. Но когда среди кромешной воды я добрался до переговорного пункта, чтобы позвонить Глафире Сергеевне и порадовать её удачей, лить стало тише. Под козырьком у парадного входа сгучилось несколько человек, они не отважились путешествовать под дождём. Пронзительно запахло озоном. Я отряхнулся и только собрался войти, как ощутил внутренний толчок под рёбра. Передо мною одиноко, как маяк в океане, стоял Лёня Леденцов и соболезнующе созерцал мир. Его изморенная физиономия вся в жёлтых наплывах влаги смутно напоминала лик кочевого князя.

— Здравствуй, Лёня, — сказал я, радуясь сюрпризу, и хотел обнять, но он по-своему истолковал мой порыв, отстранился и брезгливо отступил на шаг.

— С чего вы взяли? В самом деле. Я не Лёня, — бесстрашно ответил он.

— Шутишь, — ласково улыбнулся я, — и не Леденцов? А кто же?

— Вы обознались, сударь, — развёл он руки, — простите, я не знаю ни Леденцова, ни Лёни, хоть они славные ребята. Видите, я человек скромный.

Капало с ветвей при порывах ветра. Солнце возвратилось, разодрав надвое флагманскую тучу. В тени каштанов семеняла гурьба кришнаитов в сухих оранжево-розовых одеждах, они напевали «Харе Кришна», и в сумочке, свисающей с шеи на грудь, каждый скрытно перебирал чётки.

— А вечный двигатель, как же он? — спросил я.

— Кто? Перпетуум-мобиле? Здесь вы попали в самый черпачок, — сказал он, — это я, а не «он», покуда живу, вечный двигатель. Молитвами с божьей помощью вращаю Вселенную. Всю целиком и галактиками поштучно. Безвозмездно. Или если пожертвуют.

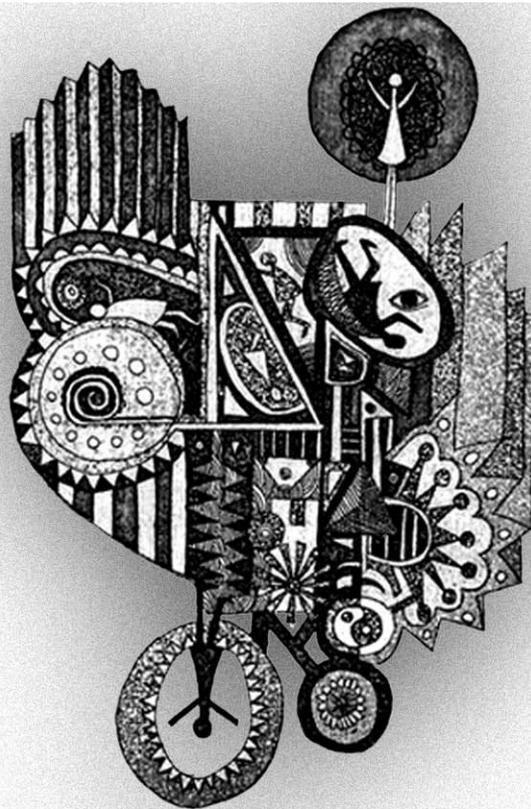
— Так она уже крутится? — спросил я, невольно сопоставляя мечты о вечном двигателе Леденцова с реальностью: вечным двигателем-Леденцом.

— Вселенная? Не сомневайтесь, — ответил он, — раз время в вечном движении, значит, и она крутится. Приходите, заказывайте, у меня здесь офис.

И, вежливо наклонив голову, побрёл прочь. Я пошёл вслед за ним, но нагнувшись завязать шнурок. Тот, кем стал изобретатель Лёня Леденцов, удалялся. В какой-то момент я увидел его голову в нимбе башенных часов. Часы ударили и повергли полдень в нокаут. Запричитали колокола Софийского собора. Леденец, или его невнятное подобие, уходил вверх по улице на звон колоколов. Пустовал настил так и не разобранный трибуны, на асфальте кое-где досыхали лужи. Над Киевом заходил на посадку авиалайнер, отражая иллюминаторами и фюзеляжем благостные лучи солнца. Разрозненные и преображённые, они падали сквозь небесную сферу наземь едва зримыми цветными хлопьями. Леденец поднимался вверх, всё остальное становилось неприметным, теряя значимость, потому что эти цветные хлопья устилали его путь радугой.

Вскоре Глафира Сергеевна, устав хлопотать по хозяйству, продала усадьбу и купила однокомнатную квартиру. Изредка высылала мне деньги, чтобы я мог как-то помогать Леденцу. Я заставлял его под козырьком переговорного пункта в любую погоду. Он был деликатен до крайности, и мне удавалось уговорить его не больше, чем на ужин в ресторане. Я заказывал ему вращения Вселенной на предстоящую неделю. Он начинал молиться. Потом мы приходили в ресторан «Клондайк», и Леденец устраивался всегда на одном и том же месте — под сводом, напоминающим перевёрнутую тарелку. Он в рот не брал спиртного, игнорируя даже марочные вина, смотрел в окно на мир, отмалчивался, а поев, стремительно прощался и уходил. Ничто его не интересовало. Не тронула и новость: патентовед Черпачок вернулся в свой кабинет — по причине повторного провала депутата Казимира Торбы в борьбе за пост президента. Вернувшись, патентовед стал позванивать, предлагать эксперимент и допытываться, как работала стендовая установка. Всё напрасно. Тайна вечного двигателя так и осталась привалена интеллектуальными пластинами Лёни Леденцова, а недвижимую модель, заброшенную в углу балкона моей квартиры на Большой Васильковской улице, поливали дожди и доедала ржавчина.

А
И
Л
И
Ж
а
Н
С

ДЛЯ СУМАСШЕДШИХ

В последние дни небосвод сердито лънул к земле, сжимая и без того чахлое пространство, — зазор, примерявшийся исчезнуть со всем содержимым. Пропадёт — что тогда?..

Беспросветная сомкнутость туч порождала беспокойство — Гайк испытывал болезненную, сродни тоске, тягу забраться куда-нибудь подальше и поглубже. Темнеющая незавершённая океана, его набережная, почти безлюдная в это время, обретали черты вечернего оживления. Далеко раз за разом вспугивал сумерки маяк, мгновенно пробрасывая по воде яркое мерцание, прибрежные фонари, разом вспыхнув, впустую освещали тупики прогулочных маршрутов. Ещё немного, и сюда съедутся велорикши, теснясь в стороне и притом исхитряясь помешать прохожим. Занимательная логика. Под любой хомут найдётся шея: даже если заработок грошовый, за клиента предстоит побороться. Гайк ухмыльнулся, угрюмо пошелестел в кармане ассигнацией и взбодрил мелочь — так, чтобы звякнула. Всё-таки у него дела обстоят чуть лучше, хватит и на чайничек чаю, и на пахлаву, липнущую ко дну блюдца, и на пачку сигарет, непременно длинных. Это всегда отгоняло унылые мысли. Но не утешало. Главное, не

грызть себя из-за горестей эмиграции — раздражающей повседневности и гнетущей разницы между «там» и «здесь». Милому душе «раньше»: школа — университет — служба противостояла постылая новь, к ней не привыкнуть — нужда ишачить в погоне за трёпаным центом на платежи. И всё сначала, и без конца — отпетая нищета наёмного таксиста. Пусть жаль расставаться с монетой, с ней веселее, и всё же Гайк свернул к озерцу, всего с лужицу, где на камне изредка и блаженно покрякивали утки. Темнело. Двери ресторанчиков, кафе, магазинов, галерей и салонов самоотверженно распахнулись, по запаху не заблудиться, и Гайк вошёл в чайную напротив. Он любил это местечко — всегда садился к столику, откуда выглядывало озерцо. Что-то оправданное существовало в этой близости: в двадцати шагах бунтующая мощь океана и рядом, под рукой, наивно-домовитое пристанище. В действительности она — благодушная родственность, и составляла мир. Навсегда ли?

Стоило промолчать, но Гайк, пока симпатяга мексиканец выставлял на поднос чайник, блюдце и снимал с витрины привычно расцветенную пачку, подсказывал:

— Зелёный чай... пахлаву... «Next», длинные...

— О'кей... О'кей... — поощрительно улыбался мексиканец. Примитивная хитрость — именно он когда-то подсунул идею, и Гайк наспех вымерил разницу между сигаретами в длине. Захотелось проверить. Впрямь выходило, что цена «длинных» по кругу всё-таки отстаёт от «коротких». Немного, и всё же Гайк по-ребячьи радовался, осознавая, что в сигаретной дозе выкуривает табаку больше и дешевле. Так не близнецы ли удовлетворение и самообман?

Чайная наполнилась посетителями, набрякла гамом. Гайк не торопился, смаковал пахлаву, пригубивая чай, прислушиваясь к беседе за соседним столиком. Армянская семья, говорили по-армянски. Не всё понятно, не ясно, из каких мест. Но на душе становилось теплее. Уходя, он приветственно попрощался с ними, они ответили, обрадовавшись ему как знакомому. Вряд ли это изгой из родных мест, он распознал бы по акценту. Может быть, из Франции или Аргентины, путешествуют сами по себе?

У озерца с утками Гайк застал старого Шёна, уже завершившего обход закоулков и в одиночестве переводившего дух на скамейке. Год за го-

дом его, ветерана, всё не увольняли из полиции — воздавая должное боевым заслугам. Поговаривали, что он геройски воевал в молодости, теперь униформа топорщилась на нём, выказывая ничемность брэнного перед вечностью. В любом возрасте не грех помечтать — несмотря ни на что, иногда сбывается. Недавно Гайку повезло снять квартиру вблизи Армянской церкви, и недорого. «В субботу обязательно схожу в храм», — пообещал он себе, здороваясь с Шёном:

— Рад видеть! Как поживает гвардия? Какие новости?

— Пока ничего, мой друг, — ответил Шён, — но есть одна хорошая — тебя встретил. Больше ничего, кажется.

— Даже не припомню, когда виделись в последний раз, — поддержал Гайк с облегчением, — почему-то получается реже и реже.

— Как раз наилучшее из всего, что получается, — сказал Шён.

— Такое чувство, что на этом всё держится, — согласился Гайк.

— Ну да, на нас с тобой, — улыбнулся Шён, — и на остальных таких же простаках, как мы.

И они расстались, преисполненные умиротворённости, может быть, благословенной Господом Богом. Рядом празднично светился салон, художественная галерея — Гайка всегда тянуло сюда к полюбившейся картине. Выразительное полотно: посреди дороги, взлохмаченной проливным дождём, мчался, отесняя автомобили, почтовый фургон. Стлались в бешеном беге кони. Судя по цене, её создатель, художник с необычной фамилией Флойхр, уже знаменитость. Ещё бы, нешуточная сумма. Консультант, мисс Криста, впервые рассказав о деталях, после всегда удалялась, оставляя Гайка наедине с романтической загадочностью холста. Лишь изредка позволяла себе задержаться и как-то вручила Гайку визитную карточку, написав на обороте номер мобильного телефона. Вместе это вызывало в душе Гайка невнятное предчувствие удачи, тонкий росток, пробивающийся к солнцу. Разве не случаются в жизни и более редкие вещи? Он стал заходить в салон не только из-за картины, но и ради мисс Кристины. Но сейчас навстречу повеяло отчуждением. Плеснуло навязчивостью от направившейся к нему девушки. В салоне, кроме неё, никого не было. Он сразу же отвернулся — ему претило общаться с нею

вместо мисс Кристи. Предвкушение встречи улетучилось как мираж — он вышел и побрёл к стоянке, где оставил машину, такси бело-зелёной раскраски. От дороги аллею ограждал забор, ажурное хитросплетение, за ним под клеёнчатыми навесами и картонными коробами, насмерть притороченными к опорам, копошились бездомные. Убогое лежбище обездоленных. Казалось, ожившая сеть выловила из гибельной пустоты отчаявшихся выжить и вытащила напоказ, как предупреждение, укор или даже проклятие благополучию. Гайк выбрался на автостоянку, к машине. Мимо, по аллее, в серебристой сумятице огней пронеслась сцепка силуэтов. В одном из них Гайк узнал Лендмайна. В будни приходилось туго, клиентов на всех не хватало, Лендмайну же везло чаще. Вот и сейчас он в шальном, вовсе не для прогулки, темпе увёз седока, судя по очертаниям, женщину. Лендмайна побаивались не только коллеги велорикши, но и таксисты, официанты, воры-карманники, бездомные, кто ни попадался под руку. Обычно Лендмайн, вскипая по пустякам, бешено дрался, за что и получил своё прозвище, означающее «фугас». Врагов хватало, друзей, исключая Гайка, не находилось — к тому же оба оказались земляки, одинаково неистовые в ностальгии. Кто знает, отчего на пути у них возник этот город — мало ли их на тихоокеанском побережье Калифорнии? Весь на приотвистших спальные околицы холмах, разделённых путепроводами с причудливыми лотосами развязок. Честью припасть к океану обладала лишь его административно-деловая часть, Нижний Город, выглядевший вечером или ночью таинственнее прочих.

Умостившись, Гайк запустил двигатель, вырлился на дорогу. Поехал медленно, поглядывая по сторонам — мимо зданий, наряженных в рекламу и книзу непритязательных, мимо автомобилей, перекрёстков, светофоров и прохожих, покорных вечернему ритму. Телефон не издавал ни звука, оставалась случайность — вдруг кто-нибудь подаст знак, тогда можно будет, выслушав заказ, отвезти клиента. Но чем глубже он внедрялся в дебри города, тем глуше становились улицы. Пришлось возвращаться. Гайк развернулся и пустился обратно, к набережной, иным маршрутом, но всё-таки сомневаясь — не лучше ли старым? Поблизости к вокзалу, у двухполосной тусклости рельсов,

Гайк услышал цокот — так шелестит о дорогу колесо, подцепившее занозу. Пришлось остановиться у обочины, под фонарём, чтобы лучше рассмотреть причину. Вышел, присел на корточки, пошарил и вытащил из подкрылья прибившийся пакет. На душе посветлело. Смешная безделица. Достал примятую пачку, с желанием закурил. На скамейке под фонарём скорчился бродяга — кто другой мог оказаться здесь — склонился, несуразно прижав туловище к бёдрам, так, что голова повисла ниже колен. Гайк подошёл поближе, наклонился, прислушался — бедняга беспечно сопел сквозь сон. Разве не случается хотя бы во сне найти покой? Пусть, Гайк, выложив на скамейку пару сигарет, подумал: «Избавь, Господи... Но если придётся... Смог бы так же?» и не почувствовал в себе ни отклика, ни созвучия.

Маневровый локомотив, как в насмешку, вяло толкал караван вагонов, платформ и цистерн — что машинисту в его кабине застрявшие у шлагбаумов автомобили? Гайк возвратился в машину, в досаде повернул в сторону: не загорать же на переезде вечность. И, чуть отъехав, увидел то, ради чего околачивался здесь, отчаявшись найти. Неправда, что Господь не слышит мольбы. На трамвайной остановке суетилась женщина, дорожная сумка на тротуаре. Нетерпеливость, жаждающая удовлетворения, не выглядела бы убедительней. В груди Гайка вздрогнуло ликование. И, развернув машину, он подъехал.

— Славный вечер, мэм, — сказал, выйдя, — куда поедем?

— Умоляю вас... Поторопитесь... В аэропорт, куда же ещё, — взволнованно обронила женщина голосом, никак не помещающимся в тишине, — мой самолёт... времени в обрез...

Она хоть и выглядела посторонней в городе, но столько же исключением — настоящей жемчужиной среди тривиальностей, вот что не ускользнуло бы от внимания, даже от беглого взгляда.

— Не так уж мало, не так уж мало, — старался успокоить её Гайк, помещая сумку в багажник, — мы обязательно успеем, уже ночной режим, взгляните-ка, все светофоры зелёные, красные — на секунду.

И дождавшись, пока она разместится на заднем сиденье, прихлопнул дверцу, вернулся за руль и отчалил. Теперь добыча в руках, серьёз-

ный куш, рейсы в аэропорт в цене. Можно будет доверху залить в бак горючее, и еды на пару дней хватит. Даже отложить впрок, чтобы всучить хозяину окаянную сотню за его ржавый мотор. «Везёт — это когда вовремя оказаться в нужном месте, — пронеслось в голове Гайка, как всегда в таких случаях, — у этого заносчивого ашкеназа всего-то заслуг, что оказался здесь на год раньше. Начал с извоза, теперь у него двадцать машин — с водителя сотня, за неделю пара тысяч в кармане». Он мельком взглянул в зеркальце над передним стеклом. Женщине не сиделось. «Суматошная девка», — подумал Гайк. Она, почувствовав его взгляд, приблизилась, положив руки на спинку переднего сиденья.

— Нельзя ли побыстрее, в самом деле? — спросила. — На спидометре всего семьдесят.

Чугунно налетел тоннель. В его залитой светом утробе, урча, мчались встречные и попутные машины. Таким обильным выглядел бы увеличенный во сто крат игрушечный аттракцион.

— Видно, вы нездешняя, — ответил Гайк с видом знатока, — на самом деле это мили, что-то около ста тридцати километров в час.

— Нездешняя? Вот ещё, — сказала она, почему-то с прямой усмешкой, — правда, жила в Амстердаме. Немного в Лондоне... Варшаве... Мадриде... Это всё Европа.

— Приходилось и мне бывать в Амстердаме, — подхватил Гайк, стараясь поддержать разговор, — удивительный город, там чувствуешь себя птицей в полёте. Снова туда?

— Нет, сначала в Париж и уж затем в Канны, — ответила она, — на кинофестиваль. Франция, Лазурный Берег, много солнца, море. Несомненно, я выиграю в своей номинации. Подпишу роскошные контракты. Вот почему важно не опоздать. Именно поэтому.

Гайк хотел ответить, но его всполошил красный спортивный «додж», хищно промчавшийся мимо. Вдруг показалось, что в его учувшем погоню чреве унеслась мисс Криста, мелькнул её абрикосовый профиль. И сразу же, вприцену сигнала, накатился кадиллак — зефирное облако с гремящей из опущенных стёкол апассионатой. Машины некоторое время шли рядом, нос в нос, чужая светящейся капсулой чуть впереди. Внутри, в уравновешенности её мирка, целовались двое мужчин, водитель в обнимку с пассажиром, нафаршированные

равнодушием ко всему, что снаружи. Гайк укороткой взглянул в зеркальце. Женщина во все глаза рассматривала геев. Не просто с интересом, а с обнажённым сочувствием или, может быть, с соболезнованием. Гайк, всегда брезгливый к противоестеству, не удержался, нажал на клаксон и, когда оба любовника посмотрели в его сторону, невозмутимо сплюнул в окно. В худшем случае это выглядело двусмысленно, не более. Кадиллак сорвался и резко ушёл вперёд. Начатый разговор оборвался. Девушка сидела задумавшись, склонив голову. Несомненно, что-то произошло, стало как-то темней и тише. Уже дробясь, пробились огни аэропорта. Гайк вырвался наискосок на свободную площадку, где можно было посадить клиентку. И вышел, чтобы достать багаж. Девушка тоже выбралась и стояла в ожидании рядом. Что-то случилось, но не настолько же бесповоротно. И когда она выпрямилась, поднимая сумку, Гайк забеспокоился:

— Мэм, я привёз вас в аэропорт. Вот он.

— Да, правильно, аэропорт, — согласилась она, ступая на тротуар, — спасибо, очень вам признательна, скоро посадка в самолёт.

— Мэм, раз аэропорт здесь и мы впрямь успели, осталось уяснить, как же с деньгами? — наклонился Гайк, чуть развёл руки в стороны, сокрушаясь, что она и не думает порыться в портмоне.

— С деньгами? — переспросила она так, будто речь шла о прошлогодних обносках, и настойчиво посмотрела ему в глаза, — наличных у меня с собой нет.

Объявили посадку в Париж. Гайк почувствовал, как бесповоротно тоска расплзлась в теле, во всех его извилинах. Не знал, что ещё предпринять, не уезжать же ни с чем. С порожним баком, худым карманом и урчащим желудком. Как заплатить хозяину, что объяснить, ведь не поймёт. Оглянулся, будто за помощью, словно кто-то мог подсказать, как быть. И сразу заметил, что сюда, к нему, направились двое полицейских. Женщина не уходила, оставалась на месте. Куда ей деваться перед лицом закона? Полицейские остановились рядом, рассматривая Гайка.

— Что-то не так? — спросил один из них. — Здесь долго стоять нельзя.

— Да, сэр, — ответил Гайк, — ещё немного возьмёт времени, пока получу свои деньги.

Второй полицейский скользнул лучом фонарика по ногам женщины.

— Боюсь, ничего не выйдет, — сказал он, — я знаю её, она часто приезжает сюда и никогда не расплачивается. Бродит здесь, потом трэпом добирается обратно. Обитает где-то возле набережной, там подобрал её?

— Верно, у железнодорожного вокзала, — уточнил Гайк.

— Сочувствую, плакали денежки, — сказал полицейский, — могу составить протокол, но это пустышка... Кстати, как там старина Шён, всё ещё патрулирует набережную? Раньше мы с ним ходили в напарниках. Времена другие, я слышал, теперь он работает один. Передавай ему привет, если встретишь.

— Передам, когда встречу, — ответил Гайк, посмотрев на девушку.

Полицейские ушли. Женщина покорно оставалась на тротуаре. Первый порыв Гайка уехать без слов — он ясно понял, что говорить что-либо, убеждать толку нет — эта первая вспышка погасла, в любом случае придётся уезжать. В душе змеился червь сомнения и надежды, было не по себе оставить её здесь. Вдруг никто не подхватит обратно?

— Возвращаюсь, — буркнул Гайк, — могу подбросить в город... до первой улицы. Дальше не по пути.

Верно, пора ехать, отсюда рукой подать к дому. Она кивнула согласно. Он поднял с тротуара сумку, сунул в багажник. Сел в машину, дождался, пока она захлопнет дверь, и рванул с места. Сегодня не удастся сберечь ни цента на оплату машины. Вспышка злости пронзила его. Ещё бы! У всех свои проблемы, не хватало взвалить на плечи чужие. Проучить надо эту овечку — на кинофестиваль в Канны вздумала кататься! Высадить на трассе между аэропортом и городом, пусть покукует, может, отучится бесплатно ездить. Посмотрел на неё. В полумраке виднелось, как хрустально блестели у неё глаза. Не поймёшь — сухо или в слезах ресницы. Она плакала — бесшумно и одиноко. Спазм перехватил Гайку дыхание. Он сконфуженно закашлялся. Откуда истекает жалость, из каких тайников души?

— Хочешь отвезу туда же, к вокзалу? — тихо спросил Гайк.

Она бессильно всхлипнула. Дальше ехали мол-

ча, электризуя немотой пространство, пока её рука не тронула плечо Гайка.

— Знаешь, — сказала она, — те двое в машине, парочка голубых, они не виноваты.

Он посмотрел на неё в зеркальце.

— Какое мне дело до них? — безнадежно пережёвнул плечами.

— Конечно, но я чувствую их, потому что они больны... И вряд ли меньше, чем я.

Ему вмиг стало всё ясно о ней. Мало ли людей с психическими расстройствами, видно, она — одна из них. Разве болезнь разбирает — чья вина навлекает беду?

— Дома не хватятся? — спросил Гайк вовсе не из любопытства, своих проблем не сосчитать.

— Нет, муж знает, — прошептала она, — он отпускает меня. Провожает, если может. И встречает, всегда звоню ему на мобильный телефон, когда возвращаюсь.

И она принялась звонить. Экран мобильника высветлял очертания лица. Город дремал. Ничего странного, именно в этот час переплетение улиц казалось Гайку паутиной, представлялось, как ползает по ней паук, выбирающий поживу. Разве не гнусные паучата все эти владельцы и совладельцы, сосущие кровь и заедающие плоть? Разве они потрудились неравномерно больше, чтобы выхватить отборные куски, оставляя остальным отбросы? Что-то не так в этом мире, что-то не так.

В час полуночного безмятежья, мимо шлагбаума, вдоль тусклой раздвоенности рельсов Гайк подрулил к трамвайной остановке. Остановился и открыл дверцу, выпуская наружу женщину, не улетевшую в Париж и потом в Канны. И, может быть, не улетавшую раньше ни в Амстердам, ни в Лондон, Варшаву, Мадрид, ни в другие города. Кто знает, куда ей вздумается ещё?

Вблизи, на скамейке, в прежней позе спал бездомный бродяга. Гайк достал из багажника сумку, поставил на тротуар у ног девушки.

— Удачи, — пожелал он ей сокровенное, легко желаемое и себе.

Она собралась ответить, но раздался упругий свист. Гайк обернулся. Железнодорожный переезд, его пограничное двухполосье пересекал велорикша. Казалось, шлагбаум, поднятый над ним, благословлял финальную историю человечества. Гайк всмотрелся и поразился повторяе-

мости, умножившей очарование случаев — ведь он снова узнал Лендмайна.

— Привет, Гайк! — воскликнул Лендмайн, подъезжая, — тебе не отвертеться, на этот раз благодетель — ты.

— О чём это, не пойму что-то, — ответил Гайк. Лендмайн улыбнулся, подошёл к девушке.

— Леди, дилижанс подан, — сказал он ей, осторожно помогая взобраться.

— Вон оно что... — удивился Гайк.

На скамейке зашевелился бродяга. Очнувшись, обнаружил сигареты и, нашарив в карманах зажигалку, закурил.

— Какая чушь, — пропыхтел он, затягиваясь, — весь этот мир — дилижанс для сумасшедших. Вагон дерьма. Все вы — чокнутые.

— Заткнись, чучело! Откуда ты взялся? Тебя спрашивали? — вскипел Лендмайн, сжимая кулаки.

— Так и есть, ты и взаправду фугас. Остынь, — попросил его Гайк, — за пару дней столько изменений...

— Ты прав, не обижайся, дружище, — ответил Лендмайн, — жизнь не стоит на месте, и верно, давно не виделись. Слышал? Мисс Криста больше не мисс, теперь она миссис Флойхр, совладелица галереи своего мужа. Он у неё современный дедок, каким-то боком в игорном бизнесе и лихачит на спортивном «додже». Говорят, молодые отправились в свадебное путешествие во Францию, на какой-то Лазурный Бе-

рег. Мистер Флойхр напишет там своё лучшее полотно. А моя бесподобная леди, — снова улыбнулся Фугас девушке, — так и останется консультанткой вместо мисс Кристи. Спасибо, что ты не оставил её в аэропорту.

Гайк молчал, нужно было переварить всё отдельно, без никого.

— Ладно, всё обошлось, — посмотрел на него Лендмайн, — что делать, у неё иногда в голове шторм, недавно собралась вплавать до Лиссабона, старина Шён выловил её из океана, попросил отвезти в больницу. Я подумал — зачем? Раз она осталась со мной.

Гайк кивнул, они разъехались.

Небосвод, льнувший к земле, стискивающий пространство над городом, вдруг разразился беспросветным ливнем. Гайк сквозь мельтешение стеклоочистителей, сквозь мутность и одновременно прозрачность окон видел, как по взлохмаченной дождём дороге уносится дилижанс. Дай им бог. Велорикша Лендмайн встретил вернувшуюся подругу.

Ливень прекратился стремглав, как и начался. Гайк оставил машину на стоянке, зашёл в чайную, она уже закрывалась, подсчитал наличность, оставалось впритык на чай, пахлаву и сигареты «Next», на этот раз короткие.

Щемящей брошенностью засветился окуроч. Низкорослый маяк. Безлюдная набережная.

□

Аркадий МАРГУЛИС

родился в Киеве в 1951 г.

*Окончил Азербайджанский институт нефти и химии,
позднее — Литературные курсы в Киеве.*

Прозаик.

*Автор книги «По обе стороны перевала»,
в которую вошли рассказы и повести.*

*Печатается в периодике России, США, Канады,
Германии, Финляндии, Новой Зеландии.*

*В 2011 г. принят в Международную ассоциацию писателей
и публицистов (МАПП).*

Живет в Израиле.

